

Рядом с ними существовали товарищества по обработке земли, артели и совхозы. Но жилищная часть все больше проникала в артели и кооперацию.

Совхозы с самого начала были полностью подчинены набравшему силу государству, были его собственностью. А вот коммуны с их автономией производства и потребления являли диалектически противоположный полюс, полюс самоуправления - предпосылку отмирания государства. Стоит ли удивляться, что после сворачивания НЭПа глава советского государства И. Сталин заявил (март 1930 года, статья «Головокружение от успехов»): «Одно из величайших достоинств политической стратегии нашей партии состоит в том, что она умеет выбирать в каждый данный момент основное звено движения, успевшись за которое она тянет потом всю цепь к одной общей цели для того, чтобы добиться разрешения задачи. Можно ли сказать, что партия уже выбрала основное звено колхозного движения в системе колхозного строительства? Да, можно и нужно.

В чём состоит оно, это основное звено? Может быть, в товариществе по совместной обработке земли? Нет, не в этом. Товарищества по совместной обработке земли, где средства производства еще не обобществлены, представляют уже пройденную ступень колхозного движения.

Может быть в сельскохозяйственной коммуне? Нет, не в коммуне. Коммуны представляют пока еще единичное явление в колхозном движении. Для сельскохозяйственных коммун, как преобладающей формы, где обобществлено не только производство, но и распределение, условия еще не созрели. (выделено ред.)

Основное звено колхозного движения, его преобладающую форму в данный момент, за которую надо теперь ухватиться, представляет сельскохозяйственная артель.

В сельскохозяйственной артели обобществлены основные средства производства, главным образом, по зерновому хозяйству: труд, землепользование, машины и прочий инвентарь, рабочий скот, хозяйственные постройки. В ней не обобществляются: приусадебные земли (мелкие огороды, садики), жилые постройки, известная часть молочного скота, мелкий скот, домашняя птица и т. д.)? И далее Сталин не без определенной логики продолжал: «Известно, что в ряде районов СССР, где борьба за существование колхозов далеко еще не закончена и где артели еще не закреплены, имеются попытки выскочить из рамок артели и перепрыгнуть сразу к сельскохозяйственной коммуне. Артель еще не закреплена, а они уже «обобществляют» жилые постройки, мелкий скот, домашнюю птицу, причём «обобществление» это вырождается в бумажно-бюрократическое декретирование, ибо нет еще налицо условий, делающих необходимым такое обобществление. Можно подумать, что зерновая проблема уже разрешена в колхозах, что она представляет уже пройденную ступень, что основной задачей в данный момент является не разрешение зерновой проблемы, а разрешение проблемы животноводства и птицеводства. Спрашивается, кому нужна эта головокружительная «работа» по сваливанию в одну кучу различных форм колхозного движения? Кому нужно это глупое и вредное для дела забегание вперед? Дразнить крестьянина-колхозника «обобществлением» жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы, когда зерновая проблема еще не разрешена, когда артельная форма колхозов еще не закреплена, - разве не ясно, что такая «политика» может быть удобной и выгодной лишь нашим заклятым врагам?» Сталин требовал «положить конец этим настроениям».

И действительно, в городе остатки коммунары исчезли ещё в годы НЭПа. Часть городского населения трудилась наёмно на частных хозяев (всё меньше) либо на госпредприятия (всё больше). Другая часть населения торговала и вообще предпринимательствовала (тоже всё

меньше). Немалая же часть была представлена госслужащими, парторботниками и вообще «бюджетниками». Слово «коммуна» осталось лишь в названиях газет да «коммунального хозяйства». Городских производителей-потребителей коммун, по сути, не существовало. В деревнях же даже выжившие и окрепшие добровольные коммуны всё равно насильственно перекладывались властями в колхозы и совхозы.

Ещё в начале НЭПа выяснилось, что ввести в СССР продуктообмен не удалось. Дело скатилось к товарообмену между государством и селом, даже к обычной торговле. Действительно, зачем крестьянину везти урожай на общественный склад и получать фиксированное количество промтоваров, если на рынке дефицит можно продать втридорога и потом купить в три раза больше ширпотреба?

Словом, Советская власть в конечном счете не развила принцип «социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун», а свернула его!

Сталинская индустриализация отсталой страны требовала централизованных крупнопромышленных хозяйственных форм. Тогдашние коммуны не выдержали конкуренции с государственной фабрикой. Да и производительность труда еще не оставляла коммунару достаточно свободного времени, чтобы полноценно участвовать в управлении обществом. Оставалась объективная потребность в бюрократии, которая не терпит конкурентов. Но если бы уровень развития производительных сил позволил наладить продуктообмен между коммунарами как главными производителями, дал должный для самоуправления уровень культуры и достаточно досуга, все это могло составить фундамент незрелого коммунизма - социализма...

При отсутствии же такого уровня коммунары часто само тяготеет к разложению. Тут показательно исследование советского ученого Николая Никольского «История русской церкви» (1931г.). Кстати, до революции ученый активно помогал большевикам. В его книге есть рассказ о секте духоборцев. Его стоит прочесть полностью и решить, не напоминает ли это нашу недавнюю историю:

«Переселившись на Молочные Воды, духоборцы решили осуществить здесь «божью правду», так, как они ее понимали. Очевидец передает, что по прибытии на новое место жительства «они сложили там все пожитки свои в одно место, так что теперь там у них одна общая денежная касса, одно общее стадо и в двух селениях два общих хлебных магазина; каждый брат берет из общего имения все, что ни понадобится». Душой новой организации был Капустин (*Сектанты верили, что в него вселился дух Христа и подчинились ему во всем.* - ред.); провозгласив поля и все имущество общим, он, однако, право распоряжения ими присвоил себе, как «сосуду Христа» и полномочному владыке «Духоборин» - так стали духоборцы звать свою общину. Капустин поселился в слободке Терпение, в «Сионе», т. е. в волостном доме, и там жил, принимая божественное поклонение; отсюда он давал распоряжения наставникам, заведовавшим отдельными колониями, и разбирал судебные дела вместе с особым трибуналом тридцати. Таким образом появилось миниатюрное мессианское царство на теократически-коммунистических

началах. Оно стремилось не иметь ничего общего с царством «сынов Каина» (*мирским обществом.* - ред.), не обращалось к правительственным властям и судам, не давало рекрутов и только платило «дань», т. е. подати за пользование государственной землей. Число его «граждан» неуклонно возрастало вследствие притока новых поселенцев: в 1827 г., по официальным данным, на Молочных Водах было 9 слобод и около 4000 жителей, имевших в своем распоряжении 49 235 десятин земли. В течение первых 10 лет своего существования Молочные Воды достигли огромных хозяйственных успехов.

В земледелии они переняли у соседних немецких колонистов (меннонитов) ряд усовершенствований; не имея возможности обработать все свои земли, они развели большие конские табуны, и их коневодство считалось образцовым; разводили также овец. В слободах были устроены сукновальни и ткацкие полотняные мастерские.

Естественным следствием этих успехов была ликвидация первоначального равенства и коммунизма потребления. Как только появились товарные излишки и продукция пошла на рынок, положение резко изменилось. Сохранился лишь уравнилительный пай хлебного продовольствия; денежные доходы стали делиться соответственно положению того или иного члена общества, а затем Капустин по тому же принципу поделил скот; впоследствии каким-то неясным для нас способом в руках некоторых богатеев появились и «общественные» их земли.

При дележе первую привилегированную группу составили Капустин с семьей и 30 старшин с их семьями, к ним примыкала вторая группа, так или иначе с ними связанная, а затем остатки делились между остальной духоборческой массой. Пошли «кутхи и удовольствия», но только для верхушки, «в той богатой жизни», говорит с грустью духоборческий летописец, «люди скоро отступили от закона божьего, стали ездить по городам, по ярмаркам, по всем роскошным жизненным местам».

Богатеи превратили Капустина, а затем также его сына и внука, к которым последовательно переходила по наследству власть, в свои покорные орудия, захватили в свои руки совет тридцати; организация общины была превращена в орудие самой беззастенчивой эксплуатации.

Чтобы держать массу в повиновении, ей стала проповедоваться чисто молчалинская мораль. «Будь благоразумен; не все, что видишь, желай, не все, что можешь, делай, но только то, что должно. Будь воздержан, без алчности пищи не употребляй, без жажды не пей, более пьянства, яко ада, убегай. Будь кроток, не продрезлив, больше молчалив, нежели говорлив. Когда тебе кто говорит, молчи, когда кто что тебе сказывает, слушай, когда кто что тебе приказывает, повинись. Ничего чужого не желай, колым паче не крадь, а в чем имеешь нужду, сыскивай трудом. Что взаимно взял, отдай, что обещал, исполни, будь к трудам охотлив, оставляй праздность ленивым. Также будь к вышнему послушен, с равными обходитель; никому не завидуй, доброжелательствуй всем... Сие храни, то и будешь благополучен».

Неизбежно должно было измениться и отношение к «сынам Каина», с ними стали стараться жить в ладу. Когда в 1818 г. мимо Молочных Вод ехал в Крым Александр I, духоборческие главарь звали его к себе на ночлег, устроили ему великолепный прием и пели ему, что он «образует бытие бога в России»; на молитвенных собраниях вели регулярное поминовение императора. Когда против этих искажений прежних принципов начались протесты духоборческой массы, то суд тридцати стал расправляться с недовольными при помощи пыток и казней.

После этого государство начало преследовать духоборцев. Это добило разложившуюся общину. Верхушка и часть рядовых сектантов -

около 1000 человек - перешли в православие. А большинство впоследствии переселилось в Новый Свет. Некоторые из их потомков живут там общинами до сих пор.

Разве мы не видим тут аналог судьбы СССР? Перед нами «великий вождь», он распоряжается хозяйством и поданными. Их назначение поменьше есть и побольше работать. Перед нами «загнивающий Запад», от которого поначалу отгораживаются, а в итоге «новоявленные сыны Каина» становятся под его знамя.

Есть успехи «первых пятилеток», которые не укрепили, а разлагали коммунарыское равенство. Есть привилегированная «партийная верхушка», «перестройка», «новые русские» и т. д. Схожесть, разумеется, не случайна.

В «Экономическо-философских рукописях» Карл Маркс разобрал суть разных версий коммунизма нищеты: «... он имеет двойной вид: во-первых, господство вещественной собственности над ним так велико, что он стремится уничтожить все то, чем, на началах частной собственности, не могут обладать все; он хочет насильственно абстрагироваться от таланта и т. д. Непосредственное физическое обладание представляется ему единственной целью жизни и существования; категория рабочего не отменяется, а распространяется на всех людей; отношение частной собственности остается отношением всего общества к миру вещей. (...) Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. Всеобщая и конституирующаяся как власть зависти представляет собой ту скрытую форму, которую принимает стяжательство и в которой оно себя лишь иным способом удовлетворяет. Всякая частная собственность как таковая ощущает - по крайней мере по отношению к более богатой частной собственности - зависть и жажду нивелирования, так что эти последние составляют даже сущность конкуренции. Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из представления о некоем минимуме. У него - определенная ограниченная мера. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к неестественной простоте бедного и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее».

Сегодня глобальные производительные силы создают условия для того, чтобы отмена частной собственности стала как раз возвышением над ней. А значит, создают и условия для массового развития коммун и налаживания продуктообмена между ними. Ведь чтобы по-коммунистически обменивать продукты их нужно по-коммунистически и производить. Но вот сам переход к такому хозяйственному механизму потребует революционного свержения нынешнего способа производства.

Вместе с тем, примерную картину коммунистических отношений пролетарии развитых стран могут найти в действующих коммунах уже сегодня. Ведь при относительном материальном достатке и при отсутствии государственных репрессий отдельные коммуны могут оказаться экономически крепкими долгожителями даже в капиталистическом окружении. Об этом свидетельствуют хотя бы история сотен всевозможных коммун в США и израильских киббуцев в XX веке. Подробнее с ними можно познакомиться на англоязычных сайтах <http://www.icc.coop>; <http://directory.ic.org>; <http://www.icc.coop>

Коммуны существуют не только на страницах воспоминаний. Это практика и сегодняшнего дня. Одними из тех, кто пытается реализовать коммунистические идеи на практике стали экологи. О связи коммунистического движения с коммунизмом, а «зеленых» с левыми корреспонденту ЛП рассказал один из участников такого проекта, координатор Экологической Вахты по Северному Кавказу Андрей Рудомача. Уже много лет он является участником радикальных экологических акций и кампаний. За свои убеждения и действия Андрей не раз оказывался в руках стражей порядка. Но это не мешает ему занимать особую позицию в отношении репрессивных органов.

- Андрей, в ходе различных экологических кампаний не раз говорилось о связи проблем экологии с действиями корпораций и вообще капитала. Твой опыт подтверждает эту мысль? Если «да», в чем это проявилось?

- Капитал пожирает природу. И это не просто звучный лозунг. Мы в своей деятельности постоянно сталкиваемся с тем, что крупные корпорации, так же как средние и мелкие компании, в погоне за скорой прибылью готовы уничтожить уникальные природные комплексы, пренебрегают экологической безопасностью местного

ЭКОЛОГИЯ, КОММУНА, КОММУНИЗМ

населения. Перечень таких компаний, с которыми мы столкнулись, можно составить очень длинный. Вот некоторые, наиболее известные: это корпорация «Шеврон» и другие частные компании - акционеры Каспийского трубопроводного консорциума, компании «Тольяттиазот» и «Русский мир» («Таманьнефтегаз»), которые строят свои смертоносные терминалы на Таманском полуострове. Это итальянская компания «Трибольди», инвестор строительства метанолового терминала в Азове. Справедливости ради, надо сказать, что практика многих российских государственных компаний и в целом властей России ничуть не экологичнее практики частных компаний. В том же Каспийском трубопроводном консорциуме Россия как государство является крупнейшим акционером. Крупнейшая российская газовая компания «Газпром» прославилась уничтожением уникальных лесов на черноморском побережье при строительстве газопровода «Голубой поток». «Газпром» наносит колоссальный ущерб нефти- и газодобыче в Приазовских плавнях, охраняемых международной конвенцией по водно-болотным угодьям, незаконным строительством горнолыжного комплекса в районе Красной Поляны. Много экологических грехов за такими государственными компаниями как «Роснефть» и «Транснефть». Часто

они, так же как и частные компании, ориентированы на получение прибыли любой ценой, а потом - хоть трава не расти. В буквальном смысле этого слова. Фактически в России произошло сращивание интересов частного капитала и государства.

- В организуемых вами кампаниях участвуют левые, чаще всего анархисты. В чем, на твой взгляд, их точки соприкосновения с интересами экологического движения?

- Мы сами левые, во всяком случае, наша конкретная группа. Мы, можно сказать, даже крайне левые. И в целом, подлинное экологическое движение, при всей его достаточно широкой палитре, имеет преимущественно левую ориентацию. Так что союзы зеленых с другими левыми силами совершенно естественны. Экологические проблемы самым тесным образом связаны с социальными.

В то же время хочу отметить такую нашу черту, за которую многие левые нас критикуют - отсутствие идеологических барьеров в том, что касается спасения земли, природы. В этом поле мы действуем прагматично и сотрудничаем с любыми силами, которые на том или ином отрезке движутся в том же направлении. Разумеется, не теряя собственного лица и собственной ориентации. Мы те, кто мы есть, и ни к чему приспосабливаться мы не собираемся. Если с нами в этом нашем качестве кто-то готов сотрудничать на экологическом поле, то и мы готовы сотрудничать. Из таких, одиозных для левых, опытов нашего сотрудничества, могу назвать наше

сотрудничество с Адыгейским ФСБ в противодействии строительству дороги Лагонаки-Дагомыс через Кавказский заповедник. В вопросах решения экологических проблем мы активно контактируем и с другими правоохранительными органами и многими организациями далеко не левой направленности, например с казачеством. На мнения, что такие контакты недопустимы, мы просто не обращаем внимания. Кто считает, что недопустимы, тот пусть и не идет на такое сотрудничество.

- Одно время ты участвовал в экологической, по сути, молодежной коммуне «Атши» на территории Адыгеи. Какова судьба этого проекта? Какой опыт можно извлечь из жизни коммуны?

- Есть старый добрый общечеловеческий идеал. Это - коммунизм. И это - мой лично идеал. Попытки насадить коммунизм сверху, насильственное насаждение формально коммунистических или социалистических методов жизни, отторжение от идеи коммунизма идей любви и свободы, трупы миллионов безвинных жертв на «светлом коммунистическом пути» сослужили коммунистической идее крайне плохую службу, дискредитировали ее в глазах сотен миллионов людей. Хотя большая часть того, что имело место в истории и к чему применялось определение коммунистический, по моему мнению, к истинному коммунизму не имело никакого реального отношения. Я вижу лучший путь создания широкого коммунистического общества через развитие коммунистического

движения. Это когда коммунизм прорастает снизу и желающие так жить люди объединяются в различного рода коммуны, соответствующие их личным представлениям и намерениям. Наша коммуна «Атши» - частный опыт создания ячейки такого самопрорастающего коммунизма. В целом, в опыте «Атши» сошлось много как светлого, так и негативного. Жить в коммуне чрезвычайно сложно и далеко не для всех это подходит. Чтобы это было не обречено, очень важна комплиментарность по ключевым параметрам между участниками коммунистического проекта. Иначе неизбежно начинаются внутренние конфликты, которые все рушат. Сейчас проект «Атши» находится в кризисе и в латентной фазе, какой-то практически реальной коммуны сейчас нет. Поэтому мы и не светим в последнее время это имя. Но я уверен, что это временно. Подует новый ветер, придут новые люди и «Атши» или какая-то новая коммуна, использующая атшинский опыт и базирующаяся на этом духе, снова будет жить.

- Будем на это надеяться. Спасибо.

вопросы задавал И. Белов.

